

ГЛАВА 6. ХЭ ШОУЦИН

Окружающие не сводили глаз с Хэ Шоуцин — её красота расцветала под их вниманием, точно редкий цветок. Тонкие дуги бровей, миндалевидный разрез глаз, изящный нос и алые губы; гибкая, точно ивовая ветвь, и необычайно грациозная. Но когда даже этой красавице ответили отказом, пыл толпы поулегся. Люди смиренно притихли, ожидая своей очереди у ворот уезда Чима.

Хэ Шоуцин, стоило ей заговорить, так и осталась стоять подле Сян Тянью. В её живости не было навязчивости, она казалась искренней и лёгкой.

— Брат Сян, вы уже решили, где остановитесь в Чима? — поинтересовалась она.

Сян Тянью лишь покачал головой:

— Пока нет.

— Ох, это скверно, — сокрушённо вздохнула девушка. — В эти дни в постоянных дворах будет не протолкнуться. Если затянуть, достойного места уже не сыскать.

Заметив в её глазах лукавый огонёк, Сян Тянью подхватил игру:

— Неужели у девицы Хэ уже есть решение на этот счёт?

— Орден Юйцзянь находится неподалёку, — охотно пояснила она. — Наши старейшины часто навещают город по делам, так что мы давно в ладах с владельцами нескольких заведений. На этот раз для нас тоже приберегли комнаты. Если брату Сяну нужно лишь одно пристанище, мы сумеем потесниться и выделить его вам.

Сян Тянью притворно вздохнул:

— Выходит, я задолжал тебе услугу, едва мы успели познакомиться?

Хэ Шоуцин прикрыла рот ладонью, мелко рассмеявшись. Она прищурилась, и её глаза стали похожи на два полумесяца — в лучах солнца она казалась ослепительной.

— В дальнем пути взаимовыручка — дело обычное.

Чи Шэнь долго томился в повозке. Ему и без того было не по себе, а тут ещё Сян Тянью, едва сойдя на землю, попал в поле зрения этой девицы. Они болтали так долго, что мальчик почувствовал себя брошенным и ненужным. Не выдержав, он откинул полог и прервал их

беседу:

— Брат, с кем это ты разговариваешь?

Сян Тянью мгновенно обернулся. Подойдя к повозке, он бережно подхватил мальчика, помогая ему спуститься.

Когда Чи Шэнь и Хэ Шоуцин столкнулись взглядами, оба невольно замерли от удивления.

«Какая хорошенькая!» — промелькнуло в голове у мальчика. Неужели Сян Тянью, едва покинув родную деревню, сразу встретил ту самую «суженую»? Неужели сюжет пошёл по этому пути? От этих мыслей на душе у Чи Шэня стало тоскливо.

Хэ Шоуцин же разглядывала юношу. Вид у него был такой, словно его растили в неге и заботе, хотя одежда казалась излишне простой. Заметив, что в его чертах нет ни малейшего сходства с Сян Тянью, она на миг усомнилась, родные ли они братья. Но, увидев, с какой осторожностью тот поправляет на нём одежду, девушка сразу напустила на себя приветливый вид:

— Брат Сян, твой младший брат выглядит на редкость одарённым. Могу я узнать его имя?

Сян Тянью поправил воротник Чи Шэня, смятый после сна, и ответил с искоркой в глазах:

— Сян Сяобао.

Чи Шэнь на мгновение замер, но возражать не стал.

***

Когда шумная толпа наконец влилась в город и разошлась по улицам, теснота отступила. Сян Тянью усадил Чи Шэня на козлы; Дао Цзун вёл лошадь под уздцы, а сам он шагал рядом с мальчиком и Хэ Шоуцин. Вскоре они свернули на тракт и, проехав немного верхом, остановились перед постоянным двором.

Опытный слуга мгновенно заметил жетоны учеников ордена Юйцзянь на поясах спутников Хэ Шоуцин. Он тут же зычно крикнул помощников, чтобы те приняли лошадей. Оценив благородную осанку Сян Тянью, слуга предупредительно заулыбался:

— Господа, прошу простить за беспокойство. Хозяин велел передать: из-за праздника Фонарей наплыв гостей небывалый. За постой повозки в эти дни придётся доплатить несколько медных монет.

Деньги были пустяковые, но Хэ Шоуцин почувствовала себя уязвлённой — ей казалось, что это роняет её достоинство перед новым знакомым. Она уже нахмурилась, собираясь высказать недовольство, но старый Дао Цзун опередил её. С улыбкой протянув слуге кусочек серебра, он добродушно промолвил:

— Ну что ты, малый. Старику и самому охота немного передохнуть, так что присмотри за нашими лошадками. А остаток возьми себе на чай за труды.

Слуга рассыпался в поклонах, не скрывая радости. Поток лести полился из него рекой — слова были избитыми, но слух ласкали. Чи Шэнь слушал это с нескрываемым любопытством, за что тоже удостоился порции цветистых похвал.

Оказавшись в комнате, Чи Шэнь внезапно вспомнил о серебре, которое мать зашила ему в одежду. Он грустно покачал головой. Сян Тянью, заметив его кислую мину, с усмешкой спросил, в чём дело.

— Просто вспомнил про деньги, что матушка мне дала, — вздохнул мальчик. — Оказывается, их и на приличные чаевые слуге не хватит. Боюсь, на улице мне даже на простой фонарь не наскрести.

— Ну и чего ты испугался? — рассмеялся Сян Тянью. — Кончатся твои — возьмём мои. Мы купим всё, что пожелаешь, кроме разве что главного приза за стихи.

— Хорошо, что мой брат не слишком жаден и метит всего лишь на фонарь с золотой обезьянкой, — усмехнулся Чи Шэнь. — Кстати... почему ты сказал ей, что меня зовут Сян Сяобао?

Сян Тянью на миг замер, задумчиво потирая пальцы.

— В пути так удобнее. Меньше лишних вопросов, меньше ненужных объяснений. Твоя фамилия... она слишком значима, и я, признаться, упустил это из виду.

Чи Шэнь и не думал обижаться. Поняв, что Сян Тянью истолковал его слова превратно, он подошёл ближе и доверительно произнёс:

— Мне всё равно. Как бы меня ни звали, сердце моё не изменится. А значит, и дружба наша останется прежней.

Не успел он договорить, как в дверь постучали. Хэ Шоуцин приглашала их спуститься к ужину. Разговор оборвался на самом интересном месте, и Чи Шэнь, заметно помрачнев, проворчал:

— Уж больно она суетливая.

Сян Тянью легонько ущипнул его за кончик носа и крикнул в сторону двери:

— Идём!

***

Собратья Хэ Шоуцин уже заняли столик на третьем этаже ресторана. Места там едва хватало на четверых, и двоим новым гостям явно были не рады. Один из учеников, увидев Сян Тянью, лишь холодно усмехнулся, предвкушая неловкую сцену.

Сян Тянью огляделся. Зал был забит до отказа. На втором этаже, мимо которого они прошли, творилось то же самое, а на первом стоял такой шум, что о покое можно было забыть.

Хэ Шоуцин слегка смутилась, но тут же вновь заулыбалась:

— До праздника ещё три дня, а веселье уже бьёт ключом. Настоящее торжество! Брат Сян, если не побрезгуешь, давай поужинаем за одним столом. Сейчас искать другое место — только время терять.

Сян Тянью не было дела до мелочного высокомерия её братьев. Совместный ужин сэкономил бы время, но испортил бы аппетит. Он взял Чи Шэня за руку и спросил:

— Бао-эр, ты голоден? Сильно хочешь есть?

Чи Шэнь слегка потянул его за собой и бойко ответил:

— Ни капли. А уж сидеть за одним столом с незнакомцами и вовсе не желаю.

Сян Тянью виновато улыбнулся девушке, изображая на лице нежную снисходительность:

— Вот видишь, девица Хэ... Спасибо, что зашла за нами, но мой младший брат с детства избалован домашними. Пожалуй, я лучше отведу его прогуляться, пусть развеется.

Хэ Шоуцин была не из глупых и поняла, что Сян Тянью уже всё решил. Ей оставалось лишь отступить.

Выйдя на широкую улицу, Чи Шэнь как бы невзначай спросил:

— Мы ведь виделись всего раз... Отчего эта сестрица так печётся о тебе, брат? Мы ей ни родня, ни друзья...

— А ты? — парировал Сян Тянью. — Разве ты не прибежал ко мне в хижину каждый божий день, хотя мы тоже были чужаками? Видать, между людьми есть своя, особая связь.

— Я и брат — другое дело! — запальчиво воскликнул мальчик. — В тебе я сразу увидел величие и гордость, каких в нашей деревне отродясь не бывало. Конечно, я восхищался тобой. Но эта девица... Она красива, знатна, при мече и в дорогих шелках. Не похожа на тех, кто станет заискивать перед первым встречным. Странно всё это. Вдруг она из тех, кто падок лишь на внешность и блеск? Берегись её, брат.

— Если её прельстили моя внешность или сан, то в этом нет ничего странного, — усмехнулся Сян Тянью. — Вот если бы у неё были иные причины, тогда стоило бы беспокоиться.

Заметив, как помрачнел Чи Шэнь, он легонько сжал его ладонь и в шутку добавил:

— Это тебя мне стоит опасаться больше всех!

Чи Шэнь вздрогнул. Сердце предательски ёкнуло — он ведь и впрямь был «вором», скрывающим свою истинную суть. По правилам этого мира, созданного Великим Древом на основе колоссальных данных, нельзя было раскрывать себя, иначе — крах миссии и гибель реальности.

Коснувшись загрубевшей кожи на ладони Сян Тянью, мальчик упрямо прошептал:

— Клянусь, никто в этом мире не будет к тебе искреннее, чем я!

Сян Тянью поймал его влажные от волнения пальцы и лукаво вскинул бровь:

— Как бы ты ни старался, ты остаёшься братом. А мне со временем всё равно придётся искать женщину, которая согреет мой очаг и подарит мне детей.

Запал Чи Шэня мгновенно испарился. Он опустил голову и едва слышно пробормотал:

— Ну... этого я и вправду не смогу...

— Ладно тебе, рано об этом думать, — примирительно сказал Сян Тянью. — Сначала прогуляемся, потом разыщем рецепт Пилюли Созидания. Всему своё время.

— А когда мы отправимся за ним? — оживился Чи Шэнь. — От Чима до столицы путь неблизкий. Если ты сначала отвезёшь меня в деревню, мы потеряем кучу времени. Но если мы расстанемся сейчас... Может, отложим это на полгода-год?

— Исключено, — отрезал Сян Тянью. — С этим нельзя медлить. Тебе скоро шестнадцать, и чем раньше ты примешь пилюлю, тем лучше. К тому же у нас на руках только рецепт. Многие травы придётся искать по всему свету, а это годы трудов. И нет гарантии, что она подействует сразу. Если нет — придётся искать другой путь.

Чи Шэнь замер, в его голове закружились тысячи мыслей. Наконец он решился:

— Тогда я пойду с тобой!

Сян Тянью опешил:

— Ты готов оставить дом? Выдержишь тяготы пути?

Его пугало не столько расстояние, сколько то, что он не сможет защитить мальчика в том «змеином логове», куда они направлялись.

— Дорога из Чима в деревню... — прошептал Чи Шэнь. — А-Лань домчит меня, если понадобится. А что до родных... Стоит мне принять пилюлю, и расставание станет неизбежным. Так или иначе, мне суждено оставить их любовь в прошлом.

Сян Тянью долго молчал. Они прошли уже пол-улицы, когда он наконец произнёс:

— Хорошо!

***

Путешественники, измотанные дорогой, редко выходили в город в первый же вечер, так что на улицах былолюдно, но не тесно. Братья гуляли в своё удовольствие, пробуя ароматные уличные закуски — это было куда приятнее, чем тесниться за столом с учениками ордена Юйцзянь.

Ученики академии Юэсин, торопившиеся изо всех сил, прибыли в город на два дня позже Чи Шэня. Комнат им не досталось, так что пришлось ютиться в местах, отведенных специально для книжников. Условия там были суровые, но молодым учёным было не привыкать.

Ещё через два дня, когда наступил вечер, у храма Цинфэн наконец развернулось настоящее празднество.

Четыре ряда фонарей заливали всё вокруг торжественным светом. Между ними теснились лавки с диковинками: мастера выдували фигурки из сахара, лепили из глины, пекли фруктовые лепешки и варили нежный тофу. Чи Шэнь давно вышел из детского возраста, но сейчас радовался как ребёнок. Он переходил от одной лавки к другой, выискивая фонари в форме

золотых обезьянок, чтобы посостязаться в знании стихов. Сян Тянью следовал за ним по пятам, оберегая от людского потока и лишь посмеиваясь.

Натешившись властью, Чи Шэнь вдруг спохватился. Ему показалось, что он потерял брата в толпе. Он резко обернулся и увидел, что Сян Тянью стоит совсем рядом. Заложив руки за спину, тот улыбался, и в его фениксовых глазах плясали отблески праздничных огней. Проходившие мимо девушки не сводили с него глаз, но он не замечал их. Он смотрел только на одного человека.

<http://bllate.org/book/17417/1653353>